

ИЗЪ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

1.

Магистерскій диспутъ и. д. доцента академіи Н. Г. Городенскаго (окончаніе).

Въ качествѣ второго официальнаго оппонента Н. Г. Городенскаго выступилъ экстраординарный профессоръ И. В. Поповъ.

Достоинства Вашей прекрасной книги, многуважаемый Н. Г., такъ началъ оппонентъ, я указалъ въ своемъ отзывѣ...

М. М. Тартевъ. Виноватъ,—позвольте мнѣ прервать Васъ на одну минуту. Я забылъ сдѣлать заключеніе къ своимъ возраженіямъ. Вашу книгу, многуважаемый Н. Г., я прочелъ не только съ большимъ удовольствіемъ, но и съ пользою для себя. Мнѣ остается теперь только пожелать, чтобы Вы продолжали работать для научнаго освѣщенія той области, въ уясненіи которой Вы съ такимъ успѣхомъ уже потрудились.

И. В. П. О достоинствахъ Вашей диссертациі, перечисленныхъ мною въ отзывѣ о ней, я не буду говорить въ настоящее время. Но въ своемъ отзывѣ я также упомянулъ, что противъ отдѣльныхъ тезисовъ Вашей книги возможны возраженія. Это зависитъ отъ свойства самого предмета, изслѣдованію котораго посвящена Ваша книга. На основные вопросы этики еще никому не удалось дать непререкаемыхъ отвѣтовъ, да и едва ли при современномъ состояніи знаній возможно такое математически точное и категорическое рѣшеніе проблемъ, занимающихъ моралистовъ. Естественно, поэтому, и я встрѣтилъ въ Вашей книгѣ нѣсколько сужденій, съ которыми не могу согласиться, и нѣсколько недомѣннй, разъясненія которыхъ я у Васъ сейчасъ попрошу.

Въ I гл. своего труда Вы говорите о сущности нравствен-

ности, какъ явленія общечеловѣческаго, и утверждаете, что „въ содержаніи нравственныхъ явленій мы не найдемъ общихъ признаковъ“, что сущность нравственности исчерпывается ея формальною стороною и сводится къ тому, что каждый народъ одни поступки порицаетъ, какъ зло, другіе одобряетъ, какъ добро. Въ доказательство этого положенія Вы приводите факты, собранныя этнографіей, доказывающіе, что на различныхъ ступеняхъ развитія добромъ считалось или дурное, или безразличное съ точки зрѣнія современныхъ нравственныхъ понятій, а также высказываете нѣсколько общихъ соображеній, которыя убѣждаютъ Васъ въ томъ, что путемъ обобщенія поступковъ, всегда и вездѣ считавшихся нравственно-цѣнными, незаконно и неосновательно дѣлать выводъ объ общности содержанія нравственныхъ правилъ въ родѣ человѣческомъ. Не всѣ факты, на которые Вы опираетесь, равно какъ и не вся Ваша философская аргументація для меня убѣдительны.

Однимъ изъ фактовъ, указывающихъ на разнообразіе понятій о добрѣ и злѣ, Вы считаете обычай кровавой мести, который на извѣстныхъ ступеняхъ соціального развитія пользуется всеобщимъ одобреніемъ, тогда какъ съ современной точки зрѣнія мечь есть зло и грѣхъ. Но вѣдь если посмотрѣть на обычай кровавой мести съ извѣстной точки зрѣнія, то онъ явится предъ нами совѣмъ въ другомъ свѣтѣ. Мечь съ опасностію для своей жизни за смерть близкихъ, примитивный человѣкъ исполнялъ по отношенію къ этимъ послѣднимъ обязанность защиты, цѣнность которой признаемъ и мы.

Н. Г. Г. То, что Вы говорите, не есть фактъ, а истолкованіе факта.

И. В. П. Фактъ самъ по себѣ, безъ его истолкованія, ничего не доказываетъ. Вы сами не могли обойтись безъ истолкованія фактовъ, когда въ приложеніи къ книгѣ Вамъ потребовалось выяснитъ, что убійство стариковъ вовсе не доказываетъ, что первобытному человѣку были чужды чувства любви и уваженія къ родителямъ.

Н. Г. Г. Кровавая мечь вытекаетъ не изъ чувства любви къ пострадавшимъ, не изъ сознанія обязанностей предъ ними, а изъ инстинктивной мстительности, осуждаемой развитымъ нравственнымъ сознаніемъ.

И. В. П. Этому противорѣчатъ факты. Мстителемъ являлся всегда ближайшій родственникъ потерпѣвшаго—сынъ, братъ. Иногда требовалось, чтобы месть была совершена ранѣе погребенія убитаго. Иногда до наказанія убійцы сохранялась прокопченная рука или одежда пострадавшаго, очевидно, для того, чтобы все это служило живымъ напоминаніемъ о правныхъ интересахъ подвергнутаго насилію. На стр. 4 Вы сами приводите примѣръ кровавой мести, мотивомъ которой было желаніе „выполнить долгъ по отношенію къ женѣ“, и упоминаете о сновидѣніяхъ или галлюцинаціяхъ, въ которыхъ умершая „преслѣдовала мужа за то, что онъ не взялъ жизни за ея жизнь“. Что кровавая месть вызывалась не личнымъ раздраженіемъ, а нѣкотораго рода объективными цѣлями, на это указываетъ приостановка ея дѣйствія во время общественныхъ бѣдствій, требующихъ дружнаго натиска всѣхъ силъ для предотвращения опасности.

Н. Г. Г. Я привожу въ своей книгѣ факты, хорошо, по моему мнѣнію, доказывающіе, какъ мало мы имѣемъ права объяснять родовую месть присущими намъ родственными чувствами, а именно, я указываю на замѣну мести вирою; при Вашемъ толкованіи трудно объяснить эту замѣну родственныхъ побужденій экономическими.

И. В. П. Мнѣ кажется, что обычай кровавой мести нельзя сопоставлять съ тѣмъ, что мы въ настоящее время называемъ мезью. Явленіемъ параллельнымъ этому обычаю въ нашей жизни служить уголовное право и организованное судопроизводство, замѣнившее первобытную месть, которая поэтому такъ же мало говоритъ противъ всеобщности нравственныхъ правилъ, какъ и наши суды.

Н. Г. Г. Въ этомъ Вы правы, но моралистъ долженъ смотрѣть не на объективныя нравственныя цѣли извѣстнаго дѣйствія, а на непосредственныя психологическіе мотивы, его вызывающіе, и съ этой точки зрѣнія я продолжаю настаивать, что кровавая месть имѣла въ своей основѣ главнымъ образомъ созданный путемъ приспособленія къ условіямъ жизни инстинктъ мстительности.

И. В. П. Другой примѣръ. Для доказательства того положенія, что среди первобытныхъ народовъ жестокость считается свойствомъ нравственно цѣннымъ, Вы рассказываете, какъ одинъ дикарь поджарилъ и съѣлъ собственную жену

„съ единственною цѣлью заслужить славу страшнаго и жестокаго человѣка“ (стр. 8). Но это—единичный фактъ и, какъ таковой, доказываетъ очень мало. Этому факту можно противопоставить другіе факты противоположнаго характера. Таковы факты, приводимые Вами самими въ этой же главѣ на стр. 4—5 и 19. Среди тѣхъ же самыхъ фиджійцевъ, къ числу которыхъ принадлежалъ дикарь, изжарившій свою жену, существуетъ трогательный обычай „осушенія слезъ“ невѣсты.

Н. Г. Г. Можетъ быть невѣстамъ они и осушаютъ слезы, но съ женами поступаютъ иначе. Это вполне совмѣстимо.

И. В. П. Вы считаете невозможнымъ установить общечеловѣческія нормы поведенія путемъ выдѣленія изъ общей суммы, признаваемаго въ разныя времена и различными народами нравственно-цѣннымъ, элементовъ, цѣнность которыхъ является всеобщепризнаваемою. По Вашему мнѣнію, въ подобныхъ опытахъ обращеніе къ моральному сознанію другихъ народовъ служить пустою фORMALЬНОСТЮ. Въ дѣйствительности, въ такихъ случаяхъ попросту оставляется безъ вниманія все то, что не совпадаетъ съ нашею нравственностью и, наоборотъ, искусственно подыскиваются аналогіи къ ней. Но хорошее и искреннее изслѣдованіе можетъ избѣжать такихъ подтасовокъ. И на современную мораль авторъ такого изслѣдованія можетъ взглянуть взоромъ посторонняго наблюдателя и исключить изъ общечеловѣческаго нравственнаго кодекса все то, что является всецѣло индивидуальнымъ въ современныхъ нравственныхъ понятіяхъ.

Н. Г. Г. Ну, я думаю, что на это не всѣ согласятся.

И. В. П. Но допустимъ, что изслѣдованіе подобнаго рода необходимо должно вестись съ точки зрѣнія современныхъ нравственныхъ понятій. Я не вижу въ этомъ ничего противнаго логикѣ, и мнѣ кажется, что и Вы не должны бы возражать противъ такого метода. Согласно Вашему пониманію сущности нравственности, нравственныя понятія, будучи однажды просознаны и правильно выяснены со стороны своего содержанія, становятся вполне рациональными и непререкаемыми въ своей достовѣрности. Надѣюсь, Вы согласитесь, что современное нравственное сознаніе располагаетъ такими правилами. Почему же не употребить ихъ въ качествѣ критерія для оцѣнки содержанія нравственности

первобытныхъ народовъ и не воспользоваться ими, какъ руководящей нитью, при помощи которой въ содержаніи нравственнаго сознанія отдаленныхъ эпохъ можно было бы выдѣлить элементы подлинно-нравственные и устранить все то, что признавалось нравственнымъ случайно, по ошибкѣ или по основаніямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ нравственною потребностью?

Н. Г. Г. Я согласенъ съ Вами лишь въ той мѣрѣ, въ какой самъ признаю, что истинная нравственность можетъ быть только одна не только по формѣ, но и по содержанію, но когда мы хотимъ составить понятіе о фактически данномъ, то мы не имѣемъ права производить подборъ явленій сообразно нашему воззрѣнію на дѣло и должны заботиться о томъ, чтобы составляемое нами понятіе соотвѣтствовало *всѣмъ* фактамъ, чего не можетъ быть при рекомендуемомъ Вами методѣ. Конечно, полученное путемъ сопоставленія всѣхъ фактовъ понятіе о нравственности вообще является лишь грубымъ эмпирическимъ обобщеніемъ въ сравненіи съ рациональнымъ понятіемъ объ истинной нравственности. Однако первое должно служить исходнымъ пунктомъ даже и въ томъ случаѣ, когда мы хотимъ подняться до второго.

И. В. П. Перехожу ко второй главѣ Вашего изслѣдованія. Въ нравственности можно различать двѣ стороны, которыя я назвалъ бы субъективною и объективною: можно рассуждать, во первыхъ, о мотивахъ нравственнаго поведенія и, во вторыхъ, можно заниматься выясненіемъ его нормъ. Можно поставить вопросъ, какими общими чертами характеризуются поступки, признаваемые нравственными, если посмотрѣть на нихъ со внѣ, не входя въ разсмотрѣніе мотивовъ нравственнаго дѣятеля. Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть такимъ: всякій поступокъ, послѣдствіемъ котораго является возможно большее увеличеніе полноты жизни или, что тоже, удовольствія, признается нравственнымъ. Этотъ отвѣтъ можно признать утилитаристическимъ. Однако подобный, я сказалъ бы, объективный утилитаризмъ не предполагаетъ съ необходимостью гедонизма субъективнаго: къ возможно полному счастью человѣчества можно стремиться по безкорыстному мотиву сознанія долга предъ нимъ. Ваша книга посвящена субъективной сторонѣ нравственности, ана-

лизу мотивовъ нравственной дѣятельности. Не признавая достаточнымъ гедонистическое рѣшеніе этого вопроса, Вы подвергаете критикѣ теоріи мыслителей этой категоріи и среди нихъ Основанія науки о нравственности Спенсера. Но въ этой книгѣ Спенсеръ рассматриваетъ нравственность съ объективной стороны, говоритъ о ея нормѣ, а не о мотивахъ нравственнаго дѣятеля. Поэтому, прежде всего, Спенсеръ для Васъ нисколько не типиченъ, и я не понимаю, зачѣмъ вы избрали его теорію для критики.

Н. Г. Г. Съ этимъ я не могу согласиться. Спенсеръ говоритъ о томъ и другомъ, и вся критикуемая мною глава представляетъ собою грубый софизмъ, основанный именно на смѣшеніи разграничиваемыхъ Вами понятій. Вы утверждаете, что Спенсеръ ведетъ рѣчь въ своей этикѣ не о фактѣ, а о нормѣ, а между тѣмъ вся вторая часть его Основаній науки о нравственности имѣетъ характеръ фактическаго изслѣдованія.

И. В. П. Однако Вы излагаете ученіе Спенсера въ своей книгѣ не на основаніи второй части его сочиненія, а на основаніи первой. Изъ второй части у Васъ нѣтъ ни одной выдержки. Всѣ цитаты на стр. 28—33 извлечены изъ первой части и притомъ не изъ VII гл. ея, въ которой единственно содержится анализъ совѣсти, во многомъ соприкасающийся съ Вашимъ собственнымъ, а изъ первыхъ главъ, содержаниемъ которыхъ служитъ трактатъ о принципѣ нравственности или и нормѣ нравственнаго поведенія.

Н. Г. Г. Вы ошибаетесь, утверждая, что у меня нѣтъ ссылки на вторую часть. Если же я критикую данную главу 1-й части, то это потому, что именно здѣсь находится принципиальное изслѣдованіе по нужному мнѣ вопросу о томъ, что называется „хорошимъ“ и „дурнымъ“, VII же глава ничего не прибавляетъ къ этому основному рѣшенію, а только подгоняетъ подъ него же исторически сложившіяся явленія совѣсти.

И. В. П. Недостаточное различеніе объективной и субъективной точки зрѣнія въ ученіи Спенсера, мнѣ кажется, дурно отразилось на Вашей критикѣ его книги, ослабивъ въ значительной степени ея убѣдительность и сообщивъ ей нѣкоторую двусмысленность. Такъ напр., Вы упрекаете Спенсера въ томъ, что онъ вноситъ путаницу въ науку о нрав-

ственности, опредѣляя нравственно доброе, какъ непременно для кого нибудь пріятное (стр. 34—41). Конечно, это опредѣленіе не годится, когда рѣчь идетъ о мотивѣ нравственной дѣятельности, но оно пріобрѣтаетъ смыслъ и значеніе, когда высказывается въ примѣненіи къ принципу или нормѣ нравственнаго поведения. Другой примѣръ. Вы упрекаете Спенсера въ критическомъ отношеніи къ даннымъ нравственнаго сознанія, въ томъ, что онъ, вмѣсто того, чтобы объяснять факты нравственной оцѣнки, старается вносить поправки къ этимъ приговорамъ непосредственнаго нравственнаго сужденія человѣчества (стр. 36). Но разсуждая о правильной нормѣ поведения, Спенсеръ не могъ поступить иначе. Такое отношеніе къ даннымъ нравственнаго сознанія онъ прямо ставитъ задачею своей этики, которая, по его мысли, должна открыть въ грубомъ и поверхностномъ эмпирическомъ обобщеніи вульгарнаго сознанія законъ, при помощи котораго можно было бы вывести норму поведения изъ природы вещей и очистить отъ всего случайнаго простой нравственный опытъ человѣчества.

Н. Г. Г. Мнѣ кажется, *И. В.*, что всякій, кто прочитаетъ критикуемую мною главу Спенсера безъ предвзятой мысли согласится съ тѣмъ, что Спенсеръ ведетъ рѣчь не о томъ только, что должно называться, а и о томъ, что дѣйствительно называется добрымъ и злымъ. Послѣднее для него именно является исходнымъ пунктомъ и, утверждая, что нравственно доброе есть „не что иное, какъ пріятное“, онъ всюду ссылается на фактически данное общее признаніе. Вся этика Спенсера, какъ и вся исторія евдемонизма,—за такое пониманіе этого философа, что нравственное не только по объективнымъ послѣдствіямъ или нормѣ, но и по субъективнымъ мотивамъ сводится къ пріятному, что иначе самое понятіе нравственнаго обращается въ простой звукъ безъ содержанія. Противъ этого именно я и спорю. Этотъ же смыслъ имѣеть и мой упрекъ Спенсеру за его отношеніе къ нравственному чувству; я упрекаю его не за то, что онъ критически относится къ положеніямъ нравственнаго чувства, а за то, что онъ игнорируетъ его, какъ специфическій элементъ нравственныхъ понятій.

И. В. II. Третья глава Вашей книги, трактующая о психологической природѣ нравственныхъ сужденій также воз-

буждаетъ во мнѣ нѣсколько недоумѣній. Въмѣсто того, чтобы читать длинныя выдержки изъ Вашей книги, позвольте мнѣ своими словами изложить Вашъ взглядъ. Въ основѣ сужденій цѣнности, какъ вы утверждаете, лежитъ чувство. Но всякое состояніе сознанія влечетъ за собою двоякую реакцію чувства: во первыхъ, удовольствіе или страданіе, во вторыхъ, чувство высоты или низости. На чувствѣ удовольствія основываются сужденія евдемонистической цѣнности, на чувствѣ высоты, чуждомъ гедонистическихъ элементовъ, сужденія нравственной цѣнности. Такимъ образомъ, въ сознаніи идутъ параллельными линіями, съ одной стороны, чувство удовольствія или страданія, съ другой—чувство высоты или низости.

Прежде всего, если посмотрѣть на эту теорію, какъ на объясненіе происхожденія нравственныхъ сужденій, то она является недостаточной. Для объясненія происхожденія нравственной оцѣнки Вы предполагаете особую силу и такимъ образомъ повторяете ошибку Шафтсбюри и Гутчесона. Чувство высоты и нравственная оцѣнка у Васъ вполне покрываютъ другъ друга, между тѣмъ какъ объяснить значить свести что нибудь къ болѣе всеобщему.

Н. Г. Г. Въ данномъ мѣстѣ я не задаюсь вопросомъ о происхожденіи нравственныхъ сужденій. Я анализирую наличныя данныя нравственнаго сознанія.

И. В. П. Этого нельзя сдѣлать въ настоящее время, обходя [вопросъ о происхожденіи. Теперь никто не споритъ противъ того, что нѣкоторые мотивы кажутся намъ безкорыстными, но многіе [утверждаютъ, что это—только видимость, что эти мотивы представляютъ собою лишь трансформацию стремленія къ личному благу.

Н. Г. Г. На стр. 111 я говорю: „даже допуская, что нравственная оцѣнка могла какимъ нибудь образомъ дифференцироваться изъ евдемонистической, можно остаться при убѣжденіи, что по своему данному психологическому содержанию она совершенно своеобразна. Нѣкоторые психологи и психофизиологи думаютъ, напр., что всѣ виды ощущеній развились изъ мускульно-осязательнаго чувства, но вѣдь только по недоразумѣнію можно утверждать, что чувство зрѣнія или слуха есть не что иное, какъ осязаніе“.

И. В. П. Кстати объ этомъ мѣстѣ. Вы цитуете здѣсь въ

подтверженіе своей мысли Основанія психологіи Спенсера. Но Спенсеръ на указанной Вами страницѣ какъ разъ поддерживаетъ теорію, согласно которой всѣ внѣшнія чувства суть виды осязанія.

Н. Г. Г. Цитата относится только къ тому положенію, что зрѣніе развилось изъ осязанія; мнѣніе же Спенсера, будто зрѣніе есть дѣйствительно осязаніе, для меня нисколько не обязательно.

И. В. П. Но и по существу дѣла зрѣніе, напр., есть видъ осязанія, потому что зрительныя ощущенія вызываются прикосновеніемъ волнующейся среды къ сѣтчаткѣ глаза. Также точно чувство нравственной цѣнности можетъ быть видомъ удовольствія.

Н. Г. Г. Такимъ путемъ все на свѣтѣ можно свести къ осязанію.

И. В. П. Далѣе. Чувства высоты и низости, чуждаго евдемонистическихъ элементовъ, не существуетъ. Я не встрѣчалъ его ни въ одной монографіи, посвященной анализу жизни чувства, ни въ одномъ курсѣ психологіи. Если бы это чувство существовало, то, конечно, оно было бы замѣчено кѣмъ нибудь изъ специалистовъ ранѣе Вася.

Н. Г. Г. Психологія религіознаго и нравственнаго чувства разработана до сихъ поръ весьма поверхностно. Неудивительно, поэтому, если изслѣдователи не говорили о специфически-нравственныхъ чувствахъ, тѣмъ болѣе, что всѣ они стоятъ на евдемонистической точкѣ зрѣнія.

И. В. П. Но такого чувства и не можетъ быть по самому понятію о чувствѣ, если только съ этимъ словомъ Вы соединяете общепринятый смыслъ и держитесь обычной терминологіи. Чувство есть отвѣтъ нашего существа на внѣшнія воздѣйствія, равно какъ и на процессы его собственной жизни, отвѣтъ, указывающій на то, благодѣтельны ли они для него или вредны. Такой отвѣтъ можетъ выражаться только въ евдемонистической реакціи.

Н. Г. Г. Я самъ долго колебался, называть ли состояніе нашего сознанія, лежащее въ основѣ ¹⁾ нравственной оцѣнки, чувствомъ. Но сущность дѣла отъ этого, мнѣ кажется, не много измѣняется...

¹⁾ Слѣды этого колебанія даже можно прослѣдить у Канта.

И. В. П. Вы отступаете отъ общепринятой терминологіи и въ опредѣленіи источника сужденій цѣнности. „Въ предикатѣ такихъ сужденій, пишете Вы, мы всегда найдемъ непосредственное или отдаленное указаніе на *чувство*“. Вы выражаетесь неопредѣленно, подразумѣвая, что на ряду съ евдемонистической возможна другая реакція чувства, не имѣющая отношенія къ удовольствію. Напротивъ, въ литературѣ вопроса основа сужденій цѣнности всегда указывается въ чувствѣ удовольствія, и если это послѣднее иногда называется просто чувствомъ, то только потому, что евдемонистическій характеръ всякаго чувства самъ собою предполагается. Это отступленіе отъ общепринятой терминологіи Вамъ слѣдовало оговорить.

Н. Г. Г. Если психологи называютъ сужденіями цѣнности именно тѣ, которыя основываются на удовольствіи, то вѣдь съ моей точки зрѣнія это не болѣе, какъ предвзятое положеніе, которому я совсѣмъ не обязанъ слѣдовать.

И. В. П. На стр. 160 Вы выводите правила индивидуальной и соціальной морали изъ принципа тождества, лежащаго въ основѣ разума. Дедукція содержанія нравственности изъ принципа тождества имѣетъ чрезвычайно важное значеніе для теоріи, которую Вы предлагаете и защищаете въ своей книгѣ. Развитая въ подробностяхъ, она служила бы лучшимъ оправданіемъ Вашей гипотезы. Къ сожалѣнію въ этомъ пунктѣ Вы ограничиваетесь самыми общими замѣчаніями, и эта краткость даетъ поводъ къ возраженіямъ. Вы пишете: „съ точки зрѣнія объективной, одна личность, одинъ центръ сознанія нисколько не важнѣе, чѣмъ другой, и совершенно не понятно, почему мое личное желаніе должно быть предпочтено чужому. Мой интересъ и чужой должны имѣть для меня одно и тоже значеніе“. Но руководствуясь столь общей формулой, трудно рѣшить въ каждомъ данномъ случаѣ, каковъ долженъ быть поступокъ истинно-нравственный или, что, по Вашему, тоже, согласный съ разумомъ. Затрудненіе можетъ возникать прежде всего въ томъ случаѣ, если сталкивающіеся интересы такъ сказать равноправны. Напр., послѣ кораблекрушенія два человѣка хватаются за одну доску, которая въ состояніи удерживать на поверхности воды лишь одного изъ нихъ. Съ точки зрѣнія тождества интересовъ того и другого трудно сдѣлать выборъ, кто изъ нихъ

долженъ быть спасень. Если А. не долженъ предпочитать своего спасенія, то съ другой стороны онъ не имѣеть основаній и жертвовать собой: интересъ В. не болѣе и не менѣе важенъ, чѣмъ интересъ А. Интересы обоихъ равны и равноцѣнны...

Н. Г. Г. Знаете, эти частные казуистическіе примѣры для меня нисколько не интересны. Я отмѣтилъ въ качествѣ недостатка въ ученіи Канта то, что онъ низвелъ свой совершенно вѣрный принципъ до казуистики. Для меня важно то, что разумъ въ общемъ оправдываетъ отрѣшеніе отъ собственныхъ интересовъ и безкорыстное служеніе другимъ.

И. В. П. Я окончилъ свои возраженія. На одни изъ нихъ Вы дали совершенно удовлетворившія меня разьясненія. Касательно другихъ каждый изъ насъ останется, вѣроятно, при своемъ мнѣніи, такъ какъ затронутыя въ нихъ проблемы при современномъ состояніи науки вообще не могутъ быть рѣшены непрерываемо. Въ заключеніе считаю долгомъ еще разъ высказать свое сужденіе о Вашей книгѣ. По обширности изученной Вами философской и этнографической литературы, по строгости мысли, по философской точности понятій, по чистотѣ и выдержанности нравственнаго идеала Ваша книга является выдающимся явленіемъ въ современной философской литературѣ. Особенно цѣнной я считаю Вашу основную мысль о разумѣ, какъ принципѣ безкорыстія, и отъ души желаю, чтобы эта мысль нашла для себя болѣе подробное выраженіе и обоснованіе въ Вашихъ дальнѣйшихъ ученыхъ трудахъ.
